

ЗНАМЯ МОЛОДИ
Г. МИНСК
29 СЕН 1983

ТЕАТР не существует без зрителя, без человека, коему адресованы наши спектакли. Выбирая для постановки ту или иную пьесу, взволновавшую меня, режиссера, или моих друзей актеров, мы хотим донести, передать зрителю эту свою взволнованность, остроту видения, понимание авторского замысла. Цель театра, любого спектакля, сделан ли он на основе классической драматургии или на материале живой сегодняшней действительности, — растревожить совесть человека, дойти до подкорки, разбудить те святые, вечные чувства, которые заложены в каждом из нас матерью, домом, обществом, и которые в силу определенных обстоятельств словно покрылись патиной, заскорузли.

Согласитесь, есть вещи, которые у каждого обязательно должны вызывать строго определенную реакцию, верную природе человеческой. Критерии добра, истины объединяют людей, не дают нашей общности распасться. И точно также мы обязаны во все времена, при любых обстоятельствах распознавать зло, низость, подлость. Мы не можем в этом быть близорукими, инфантильными. Любой наш поступок так или иначе осуществляется в контексте общественного деяния, жизнь отдельного человека — в контексте жизни мно-

ВСТРЕЧА ДЛЯ ВАС

Георгий ТОВСТОНОГОВ,

главный режиссер Ленинградского академического Большого драматического театра им. М. Горького:

«Спектакль должен тревожить совесть»

гих. Потому неправда одного неизбежно влечет за собой неправду другого, если ей, этой неправде, не будет дан отпор, если она не будет остановлена и погашена.

Театр, отражающий и преображающий реальность, способен врачевать души. Разумеется, я говорю о театре подлинном, о художнике, а не о дельце, прагматике. Я говорю о творчестве.

Но как, каким путем добиться нам этой цели, этой безусловности воздействия театра на зрителя?

В последние годы я все глубже постигаю то, что Станиславский назвал «природой чувств». Истинно художественный спектакль тот, в котором точно найден способ актерского существования, природе пьесы соответствующий. Нет более трудной задачи, как разгадать пьесу! Обычно ее сценическая жизнь тонет в стереотипе. Театры либо не ищут ответа на вопрос, в чем особенность данной пьесы, либо надевают на драматурга поношенный «мун-

дир»: и в прошлом веке, да и теперь есть «театральный мундир» Островского, Гоголя, Грибоедова. А есть и третий путь: эксплуатация раз найденного, возможно, когда-то и бывшего органичным, способа существования. Это — медленная смерть театра как явления искусства.

Разумеется, нельзя отрешиться от традиции прочтения той или иной классической пьесы, ибо это — опыт всей нашей культуры. С другой стороны, убоявшись повторить пройденные десятилетия назад, недопустимо противопоставлять традиции только ради самого противопоставления, — собственную выдумку, собственное «видение». Эта выдумка, это «видение» должны идти изнутри пьесы, из мира автора. Не надо личности специально заниматься самовыражением, если уж личность есть — она всегда проявится объективно. Об опасности «выражения се-

бя» я сейчас часто говорю своим студентам, пытаюсь привить им любовь к автору, к авторскому слову.

Я убежден, классика, прочтенная верно и глубоко, не может не быть современной. Кому-то ближе современность внешняя — постановочная, ритмическая, музыкальная. Нет числа этим приметам, так легко усваиваемым театром. Но это слишком легкий, а потому не слишком правильный путь. Нет, я не ретроград. Мне бывает интересно увидеть богатство режиссерских приемов, но иногда я вижу в этом лишь демонстрацию инструмента. Мне не хватает содержания, прячущегося за причудливой или вызывающей формой подачи. И снова скажу, что чаще всего небрежение смыслом пьесы, ее глубинным подтекстом есть издержки «самовыявления».

Стоит ли, право, сегодня так настойчиво говорить об уважении к классике, об «уважении к минувшему», как писал Пушкин. Стоит, ибо здесь — наш фундамент, здесь —

корни современной театральной культуры. В творчестве многих драматургов я нахожу продолжение чеховской традиции, традиции Горького. И речь тут не только о технике письма, о приемах драматургии как литературы для театра. Я говорю о наследии духовном, о продолжении идейном. Процесс этот бесконечен, неостановим. Разумеется, в условиях сегодняшних художник не может во всем следовать принципам классиков, не может видеть мир их глазами, мир изменившийся, переживший катаклизмы, каких не знал тысячелетия. Но в оценках человеческих проступков, в отношении к святыням социальным и нравственным человек-поэт изменился мало, не должен меняться.

Литературная запись
С. МИХАЙЛОВА.